

Вик-мункан и другие

О.Ю. Артемова

Меня часто спрашивают, как это я связала свои профессиональные интересы с такой далекой и малодоступной для российского человека страной как Австралия. На Историческом факультете МГУ я специализировалась по кафедре этнографии. У нас преподавал известный ученый – Владимир Марьянович Бахта. Он великолепно читал курс «Австралия и Океания». Таких интересных курсов у нас было немного. Однажды В.М. Бахта показал нам «Сборник мифов аборигенов Юго-Восточной Австралии» и сказал, что по этой книге можно написать работу о моральных представлениях аборигенов. Спросил, кто хочет. Я захотела и взяла книгу домой. Прочитав её, я поняла, что она не подходит. В ней в русском переводе были опубликованы фольклорные рассказы из знаменитого собрания К. Лангло-Паркер, но они подверглись литературной обработке, и содержание их было сильно искажено в угоду европейским вкусам.

Тогда я отправилась в библиотеку им. Ленина. В то время студенческий зал помещался в чудесном здании бывшего Румянцевского музея на Моховой улице. Там я нашла книгу, называвшуюся «Мифы мункан». За чтением этой книги, а потом и за переводом ее на русский язык я провела многие часы своей молодости. Причем из числа лучших.

Автор этой книги – австралийская исследовательница Урсула Макконел. В 1927 г. она вдвоем со своей подругой Маргарет Спенсер отправилась в экспедицию к аборигенам, говорящим на языках вик и населяющим бассейны рек Арчер, Митчел, Уилсон и Холдройд на полуострове Кэйп-Йорк в Северном Квинсленде. Эти отважные женщины на лошадях добирались в места, обитатели которых ещё почти не знали белых людей. Во время той и последующих экспедиций Урсула Макконел выучила язык вик-мункан – самой крупной этнической общности района – собрала обширный этнографический материал и записала большое количество мифов на этом языке. А издала она их только в 1957 году, за год до своей смерти. Подготовка фольклорных

Ольга Юрьевна Артемова — доктор исторических наук, профессор, зам. директора Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

материалов к печати – процесс, требующий гигантского кропотливого труда: он очень длителен, и поэтому далеко не все собиратели фольклора публикуют свои коллекции в должном виде. Урсула Макконнел выполнила перевод текстов мифов мункан чрезвычайно бережно и скрупулезно, они сохранили свой неповторимый колорит. Урсула Макконнел назвала эти истории зеркалом жизни. Их герои – тотемические предки эпохи Творения, но ведут себя они точно так же как вели себя в традиционных условиях сами создатели мифов. Эти мифологические персонажи бродят по лесам и вдоль рек, плавают в каноэ, охотятся и ловят рыбу, готовят пищу, едят и спят у костра. Они влюбляются, женятся, ссорятся и дерутся, проводят обряды, оплакивают мертвых... Меня эти истории совершенно покорили своей безыскусной натуралистичностью и, вместе с тем, каким-то неожиданным романтизмом, а места, в которых они были созданы, стали моей мечтой. В 1981 году я опубликовала книгу Урсулы Макконнел по-русски.

А еще я выбрала этнографию коренных австралийцев потому, что о них в советское время можно было писать свободно, в отличие от народов России. Ведь все, что писалось, скажем, о коренных жителях Сибири, подвергалось, как известно, строгой цензуре. Наши учёные ехали, например, к чукчам или корякам, видели, как плохо они живут, но публиковали работы о том, как успешно они шагнули прямо из первобытности в социализм, и как хорошо движутся к коммунизму. В то же время, эти же ученые подавали секретные записки властям о том, что происходит на самом деле. Мне такая двойная жизнь была неприятна. А исследовать народы, живущие за рубежом и затем публиковать о них правду, можно было беспрепятственно. Кроме того, когда я начинала свою научную деятельность, моя дочка была совсем маленькой, и я считала, что не могу бросать ее и ездить в «поле» (в этнографические экспедиции). А поскольку в «поле» в Австралию тогда никто не ездил, постольку считалось вполне допустимым быть сугубо «кабинетным» специалистом. Так я и стала заниматься изучением этой страны и ее коренного населения. Должны же люди в нашей стране получать профессионально собранную и изложенную информацию о нем. Тем более что это было так увлекательно – читать английские книжки о далекой экзотической жизни и забывать о близкой, отнюдь не столь экзотической и заманчивой реальности. Но прошли годы, все переменилось, и то, что казалось неисполнимой мечтой, стало реальным. Конечно, получив возможность поехать в Австралию, я все свои усилия направила на то, чтобы попасть на полуостров Кэйп-Йорк, к вик-мункан, в селение Аурукун, туда, где было записано большинство моих любимых мифов и где до сих пор живут потомки их создателей. Но это получилось не сразу и было непросто.

Первый раз мне представилась возможность полететь в Австралию в 2004 году. Прежде всего, я приехала в Канберру для участия в конференции, посвященной современному положению коренных австралийцев. Ее проводил Институт по изучению аборигенов Австралии и островитян Торресова пролива.

Мне казалось, что я на другой планете, такой прекрасной, такой экологически чистой и ухоженной, что я даже думала: «А не испорчу ли я её своим дыханием...»

Вспоминался популярный фильм Георгия Данелия «Кин-дза-дза». Там есть эпизод, когда главные герои попадают на планету Альфа, а она – такая светлая, цветущая и чистая, что всех вновь прибывших проверяют на химический состав выдыхаемого воздуха. Тех, чьи данные не подходят, аннигилируют, быстро и безболезненно.

И до сих пор Австралия – конечно, в наиболее населенных и благоустроенных ее районах представляется мне в некотором роде стерильной в отличие от тех стран, где я раньше побывала. В Австралии как бы вытеснены или нивелированы многие привычные проявления человеческого бытия. Скажем, люди в большинстве своем носят одежду, которую я назвала бы униформной и унисексной. Она, конечно, безупречно чиста и опрятна, но в ней ни индивидуального, ни сексуального, ни эстетического начал не ощутишь. В море купаются, не оставив воде ни кусочка кожи... Я понимаю, агрессивное солнце и ядовитые медузы. Но как же без простых телесных радостей? Или вот: как будто нет совсем никаких запахов. Я уж не говорю о Советской России, где, образно говоря, за километр от столовой несло тушеной капустой и жареным луком, но и во Франции, и в Германии множество запахов. Это запахи благополучия. Крепкая смесь кофе, шоколада, ванили, корицы и еще чего-то изысканного ударяет в нос в любом западноевропейском аэропорту. В России тоже бывают чудесные запахи: меха и духов на морозе, к примеру. А в Австралии нет почти никаких. Ни хороших, ни плохих. Словом, страна обетованная предстала передо мной, не такой, какой я ее ожидала увидеть. Она оказалась более преуспевающей и менее экзотичной.

Встречи с коллегами из Австралийского национального университета и Института по изучению аборигенов Австралии тоже обернулись неожиданностями. Некоторых из них я знала до этого не менее десятка лет, неоднократно встречала на конференциях в различных уголках мира, они всегда, казалось мне, сочувственно относились к моим выступлениям и к мечте побывать в их стране. Но увидев меня там, они повели себя настороженно или безразлично. А иные спрашивали не без ехидства: собираюсь ли я остаться, или поеду все же домой? Меня пронизывал какой-то нравственный холод. Даже напевала про себя: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко». Я чувствовала себя тогда в Канберре никому не нужной. Счастье, что в этом городе живут мои друзья, эмигрировавшие из России – мой научный руководитель по аспирантуре, крупный этнограф, изучавший культуру аборигенов Австралии в течение всей своей жизни, Владимир Рафаилович Кабо, его жена историк и писатель Елена Викторовна Говор и их сын Ральфи. Они радушно предложили мне кров, и по вечерам, когда я возвращалась из университета в их славный дом, моё сердце оттаивало.

Впрочем, не следует быть неблагодарной и по отношению к австралийским коллегам. Мне любезно предоставили отдельную комнату с компьютером для работы в Школе искусств Национального университета, и я могла бесплатно отсканировать до тысячи страниц. Я слушала доклады на конференции, читала книги в великолепных библиотеках Канберры: ведь в России мало литературы по Австралии. Но мне хотелось к аборигенам, время моего пребывания в стране неумолимо катилось к концу, а я чувствовала, что те ученые, которых я давно знала, не помогут мне попасть

в поселения коренных австралийцев на севере или в центре страны. Тогда вместе с Еленой Говор мы пошли в так называемое Посольство аборигенов – палаточный лагерь, который аборигены, боровшиеся за свои права, раскинули в 1972 г. у старого здания Австралийского парламента в Канберре. Он – частично – сохраняется и по сей день. Обитали этих палаток – аборигены, приехавшие из разных районов страны в поисках правды и помощи – тоже приняли меня индифферентно, хотя и доброжелательно. Но около одного из костров сидела красивая фиджийская женщина, по имени Они Кирвин. Она моментально поняла, чего я хочу. Значительную часть своей жизни она провела в поселениях аборигенов Северного Квинсленда, пытаясь помогать им, чем может, и снова собиралась туда. Она, не раздумывая, пригласила меня с собой. А я, немного подумав, поехала. Мы столкнулись с неожиданными трудностями и не сумели попасть ни в Аурукун, ни в другие удаленные селения. Но все же побывали в очень интересных местах: Ярабахе, Бесси Поинт и Моссмане, расположенных неподалеку от Кэрнса, главного города Северного Квинследа.

Они Кирвин. 2005, Кэрнс. Фото О.Артемовой

Бесси Поинт 2004. Флоренс Грей и автор. Фото Они Кирвин.

Это старинные поселения аборигенов, в жизни которых, как считается, ввиду близости к городу, сохранилось мало традиционного. Но для меня встречи с жителями этих поселений были волнующими и глубоко впечатляющими. Однако очень краткими. Эти поездки носили, скорее, экскурсионный характер, нежели научно-исследовательский. И все же передо мной были аборигены, они выглядели так, как и должны были выглядеть, хотя их жилища – бетонные дома, палатки или «караваны», а их дети катаются по улицам на велосипедах, и во многих дворах имеются автомобили, а в некоторых – топчутся на привязи унылого вида лошадки. В Ярабахе люди в джинсах и майках на берегу прелестного залива ловили рыбу сетями, а в одном из «караванов» нас угостили мясом убитой утром черепахи. Очень вкусно. Всюду звучала чудесная австралийская музыка в стиле «кантри» и всюду непрерывно пили дешевое красное вино. Но пьяных не было. Все было тихо и мирно, хотя и очень грустно. Зброшенные, никому не нужные, кажется, даже самим себе люди.

Во второй раз я прилетела в Австралию – в Мельбурн по приглашению организации «Мундани Баллок Юнит» при Университете «Виктория» и «Ассоциации охраны наследия кури» (кури – это современное собирательное самоназвание аборигенов).

ригенов Виктории и Нового Южного Уэльса). Я вынуждена была просить мою близкую подругу, голландскую иммигрантку, работавшую в Университете «Виктория» – Корнелию Кук – «организовать» для меня это приглашение, так как более четырех месяцев не могла получить разрешения на полевую работу в Аурукуне и рисковала потерять выделенный мне для экспедиции в Австралию грант. Ведь в отличие от многих других Аурукун – закрытое место, и только Совет его жителей может разрешить постороннему въезд на территорию Аурукуншире – суверенную землю викговорящих людей. Нел Кук и руководители организаций кури Виктории помогли мне обрести австралийскую визу, водили по музеям, кормили и поили. И неожиданно все же пришло известие, что мне разрешено работать в Аурукуне. Этого добился невероятным упорством антрополог, с которым я познакомилась в Канбере в 2004 – Дэвид Мартин. Моей радости и благодарности не было предела. Из Мельбурна я почти на два месяца улетела в Аурукун.

Мне страстно хотелось видеть, как теперь живут люди, о которых я много лет читала книги. И я их увидела. Это были потрясающие впечатления, полные «моментов истины». Коричневые люди и красная земля. Днем она раскаляется так, что порой жжет ноги через тонкие подошвы легких тапочек. Тропики, тринадцать градусов южной широты, на сотни километров никакого другого жилья, почти нестерпимый зной и высочайшая влажность. Все, как написано в книгах.

В поселке около тысячи двухсот аборигенов. Большинство из них – вик-мункан. Существует это поселение немногим более ста лет, причем основная часть его жителей – это дети и внуки тех, кто пришли из «буша» в 1930–1950 гг. За внешними (отчасти заимствованными, а отчасти навязанными) формами жизни – бетонные дома, майки, джинсы, юбки, магазин, тэйк эвэй («еда на вынос»), пивная, мобильные телефоны, машины, моторные лодки, музыкальные центры, телевизоры, видеомagneфоны и т.п. – я постепенно узнавала древнюю культуру охотников и собирателей, точно и талантливо отраженную моими австралийскими коллегами и бережно сохраненную людьми вик. Люди вик говорят преимущественно на своих языках, хотя и владеют английским. Главный из них – язык вик-мункана, лингва франка в обширном районе. Люди вик не признают никаких человеческих отношений, кроме родственных. Они и сегодня соблюдают традиции взаимопомощи, чтят свою землю и ее легендарных мифических героев, глубоко уважают умерших и отдают им все предписанные почести. Они верят в колдовство и благотворную магию, поют традиционные песни и исполняют древние танцы. Они, по крайней мере, многие из них, и сегодня страстно стремятся ловить рыбу, охотиться. Они и делают это всякий раз, когда представляется возможность. Однако в современных условиях эти возможности, к сожалению, весьма ограничены. В жизни людей Аурукуна немало мрачных сторон. Но это особая тема.

Мне посчастливилось послушать некоторые из тех мифов, которые я так любила когда-то, в исполнении очень хороших рассказчиков. Правда, теперь люди вик больше любят рассказывать о случаях из реальной жизни, происходивших в недав-

нем прошлом. Но поразительно, что эти «рассказы-были» слагаются и исполняются в том же художественном стиле, в котором излагались традиционные мифы. Я бы назвала этот стиль «показательным». Рассказчик не просто говорит, он сопровождает речь драматическим представлением. Он жестикулирует, меняет позы, вскакивает, шепчет, крадется, падает...

Я разговаривала с людьми, записывала их рассказы, присутствовала на церемониях. Словом, собрала свой, пусть не обширный, но все же оригинальный, этнографический материал. Частично я включила австралийские полевые материалы в уже готовую монографию теоретического свойства, посвященную типичным явлениям охотничье-собираТЕЛЬСКИХ культур и некоторым проблемам социальной эволюции. Она должна быть издана в 2008 году.

Многие люди и в Австралии и в России спрашивают меня, не страшно ли было мне, белой женщине, иностранке, ехать в настоящие отдалённые селения аборигенов, куда не каждый белый австралиец рискнёт поехать?

Мне кажется, что ни разу ничто не грозило там моей безопасности. У меня такое чувство, что в Австралии очень низкий уровень преступности. Это, по-моему, самая безопасная страна в мире. А я приехала из одной из самых опасных стран мира. Человек, который специально не ищет опасных приключений, ничем, по-моему, не рискует в Австралии. Даже в таком отдалённом и весьма неблагополучном во многих отношениях месте, как Аурукун. Конечно, прежде чем ехать, я навела справки. В частности, я спросила Дэвида Мартина, который прожил в Аурукуне около десяти лет, могу ли я быть там одна. И он ответил – «да». Случались, конечно, и неприятные моменты, когда я оставалась на всю ночь в одиночестве в большом гостевом доме. Там есть и телефон, и решётки, и замки, но всё равно... Люди в Аурукуне слишком много времени проводят в пивной (там продают только пиво и другие слабоалкогольные напитки в металлических банках, но и этого более чем хватает), потом не угомонятся до утра, ссорятся, кричат, дерутся. Многие подростки нюхают бензин, кто-то выращивает марихуану и потихоньку торгует ею со всеми вытекающими следствиями. Молодые ребята, вечно голодные и жаждущие наркотиков и выпивки, нередко взламывают и грабят дома (как правило, пустующие и принадлежащие сообществу или государству, а не частным лицам), угоняют и уродуют автомобили и т.п.

Самое трудное, однако, было войти в доверие к аборигенам и установить с ними хорошие отношения. Они – доброжелательные люди, но я их не интересовала. Они просто не замечали или почти не замечали меня, не общались со мной. Это приводило меня в отчаяние. И вдруг как помощь свыше в Аурукун явился Роджер Криб, археолог из Кэрнса. Он, к несчастью, умер осенью 2007. Он сразу понял, как мне тяжело, и представил меня некоторым из своих названных родственников-мункан как свою сестру. Роджер Криб приехал, чтобы выявить на земле аборигенов территории, которые представляют специальный археологический интерес или священны для аборигенов, и исключить эти места из числа тех, где геологи могут вести поиск бокситов. Роджер брал меня с собой в свои изыскательские поездки. А главными участниками

Дети Аурукуна. 2005. Фото О.Артемовой

этих поездок были всеми уважаемые старшие аборигены. Им принадлежало решающее слово в вопросе о предстоящей геологоразведке. И вот они почувствовали ко мне расположение, признали во мне родственницу и передали это отношение другим. И тогда я стала постепенно обретать симпатии аурукунцев. Меня даже «представили земле» одной из семей. Мой названный брат – Патрик Путчеманка – провел для меня на земле своих предков (Уотсон Ривер) церемонию наложения пота: он взял пот из своих подмышек и помазал им мое лицо и мои руки. После этого я стала как бы принадлежать к земле этой семьи, и люди говорили мне: «ты ведь теперь тоже из семьи Путчеманка, ты наша сестра из Уотсон Ривер моб».

Еще одна трудность, к которой я – этнограф, имеющий некоторый опыт полевой работы – была совсем не готова, связана с тем, что аборигены Аурукуна никогда не зовут посторонних к себе в дом. В России – главный способ сбора информации в деревнях – хождение по домам, где тебя, как правило, сажают за стол. А застолья, чаепития, как известно, очень сближают, создают доверительность. Но у вик-мункан и других аборигенов Аурукуна «домом» всегда были земля, лес, река, а не строения.

Сейчас, когда они живут в стандартных бетонных постройках, они их не воспринимают как «дом» в полном и высоком смысле этого слова. Дома там – это нелюбимые и неухоженные, сознательно или нечаянно изуродованные строения, где люди вынуждены спать. Кочевники в недавнем прошлом, аборигены вик до сих пор не держат в своем жилище почти никаких съестных припасов, поэтому и угощать им нечем. Да и сами они совместные трапезы устраивают лишь по большим праздникам, обычно же едят на ходу: каждый, что добудет – в магазине ли, в лесу ли, в реке ли, у родственников ли – тут же все и съедает в одиночку или, поделившись с теми, кто случайно оказался рядом.

Гостеприимство же людей вик, как я постепенно осознала, состоит в том, чтобы научить нового человека, как правильно вести себя на их земле, т.е. в местах, которые они знают хорошо, в которых витают духи их предков и которые незнакомы пришельцу. Они считают своим долгом оберегать гостя, подсказывать: тут не ходи – змея может прятаться в траве, здесь может злая собака укусить, а там – плохие парни украли машину, вдруг и тебя обидят. Чем дольше я жила в Аурукуне, тем больше проявлений такого именно гостеприимства видела. А в гости – по нашим традициям – «чай пить» их стала приглашать к себе я. В мой первый приезд руководство Аурукунна поселило меня в большом гостевом доме с верандой, так что я могла звать аурукунцев к себе, поить чаем, разговаривать, записывать то, что они мне разрешали, на видео-камеру и диктофон.

Аурукун 2007. Фото О. Артемовой

Аурукун. 2005. Ральф Пеинкина. Он овдовел и не должен был брить бороду до церемонии «открытия дома». Фото Чарльза Уоркера.

Пожалуй, самые яркие мои впечатления связаны с торжественными и красочными церемониями и обрядами, которые в Аурукуне проводятся во множестве. Главные из них – так называемые «открытия» дома. После смерти человека, дом, где он жил, «закрывают» на какое-то время. Все уходит оттуда. Потом «открывают» вновь, проводят своего рода очистительные обряды и снова начинают там жить. Дело в том, что раньше в культуре аборигенов существовало правило: после смерти человека, сородичи покидали это место навсегда. А так как их «домом» были обширные территории – леса, саванны, горы, а жилищами – легкие шалаши или навесы, то обходить запретные места было нетрудно. Сейчас же, когда аборигены живут в стационарных бетонных домах, покинуть их навсегда невозможно. И вот в чью-то гениальную голову пришла идея создать новый обряд. Дом, в котором кто-то умер и который долго пустовал, снова превращают в жилой посредством сложной и массовой церемонии.

Проходит такая церемония очень пышно и торжественно: люди долго и чрезвычайно добросовестно к ней готовятся, много репетируют, мастерят украшения и скульптурные изображения тотемических предков. Центральная часть церемонии –

массовые танцы. В Аурукуне сейчас бытуют три вида танцев – местные танцы вик-мункан и родственных этнолингвистических групп; танцы, заимствованные у островитян Торрессова пролива, и гавайская хула. В первых двух случаях люди танцуют под аккомпанемент собственного пения и под бой барабанов, в третьем – под профессионально исполненную и воспроизводимую специальной аппаратурой музыку. Очень интересно, что танцы, пришедшие с островов Торрессова пролива, исполняются под пение, мелодика которого заимствована у островитян, но слова всегда сочиняются самими аурукунцами, и авторы песен всем известны. Люди говорят: это песня тетушки Кэролайн, а это песня тетушки Айрин.

Аурукун 2005. Уинстон Марпундин, Стэнли Калкейорта и Нельсон Волмби.
Перед церемонией открытия дома. Фото Чарльза Уоркера.

Аборигены готовят себе живописные наряды, повсюду – цветы, живые и искусственные, сделанные очень художественно, гирлянды, лампочки. Каждый клан специально заказывает майки определенного цвета с особой эмблемой. Церемония начинается часа в четыре пополудни во дворе того дома, который будет «открыт», и длится до заката, т.е. часов до семи-восьми вечера. Когда двор погружается во тьму и на лиловом небе загораются месяц и звезды, люди входят в дом, слышатся их громкие рыдания и стоны. Так они выражают свое горе, оплакивают потерю. А потом приступают к пиру... Мне довелось побывать на четырех «открытиях дома».

В третий раз я опять поехала в Австралию на конференцию в октябре 2007 г. Эта конференция также проводилась в Канберре. Она была посвящена сороковой годовщине референдума 1967 г., уравнившего гражданские права аборигенов и всего остального населения страны. Подводились итоги сорокалетия. Это было очень для меня важно. Потом я снова работала в библиотеке Института по изучению аборигенов Австралии и островитян Торрессова пролива, а также в Национальной библиотеке. Затем поехала в Кэрнс, в Университет Джеймса Кука в качестве приглашённого профессора, тоже поработала в библиотеке и очень плодотворно пообщалась с коллегами. А уж потом улетела в селения аборигенов. Сначала в Аурукун, а затем в Пормпураау (Эдвард Ривер).

Самым замечательным было то, что те, кого я зову братом и сестрой – Патрик Путчеманка и Кэролайн – а также та, кого я зову дочкой – Соня Путчеманка, – пришли встречать меня к самолету. Да и другие аурукунцы были мне рады, принимали очень тепло. А в Пормпураау я приехала уже как бы к родственникам: там живут братья и сестры моих братьев и сестер. Мне там было гораздо легче находить собеседников, чем в Аурукуне в 2005 году. Кроме того, у меня было что-то вроде устной рекомендации от коллеги-антрополога из Таунсвила – Джона Тэйлора. Он прожил много лет в Пормпураау и пользуется там большим уважением. Он дал мне чрезвычайно важную информацию перед поездкой.

Пормпураау. Залив Карпентария в наступающих сумерках.
Фото О. Артемовой.

Пормпураау расположен всего в трехстах километрах к югу от Аурукуна. Но, несмотря на географическую близость и этническое, а также биологическое, родство жителей, Пормпураау во многих отношениях разительно отличается от Аурукуна. В Пормпураау почвы не красные, а светло-серые, почти белые, стоит он не на реке, а на берегу Залива Карпентария. Живет там около 650 человек, и жизнь их производит впечатление гораздо более разумно организованной и благополучной, чем жизнь аурукунцев. Магазин, гостевой дом, церковь, культурный центр, школа, библиотека и даже пивная – все там более ухоженное и благоустроенное. Не слышно истошных криков темными ночами и дети не бродят без присмотра по улицам, а днем люди не маются без дела, а как будто чем-то заняты. Да и доступ в Пормпураау свободен – не нужно специального разрешения на въезд, хотя вся земля в его окрестностях также принадлежит аборигенам.

По словам белых обитателей этого поселка, да и самих аборигенов, они по-прежнему в значительной мере кормятся «с земли». Охотятся, собирают дикие плоды, ловят рыбу, крабов, креветок. В окрестностях Пормпураау, как, впрочем, и в окрестностях Аурукуна полно дичи. Это и исконно австралийские животные – кенгуру, валлаби, летающие лисицы, черепахи, крупные птицы – и одичавший скот: свиньи, коровы, лошади. В Пормпураау меня как-то пригласили во двор одного из домов. Там собралась почти вся семья. Молодые мужчины, веселые и крепкие, разделявали крупных рыбин. Я спросила, что за рыба. Один из них с гордостью ответил – «бара». Так они называют барраманди. Рассказывали мне также, что они постоянно ездят и на охоту. Я спросила, с чем они охотятся: с ружьями или с копьями? Они ответили: ни с тем и ни с другим, а с собаками. И указали мне на клетку, в которой содержалось несколько собак. Эти, сказали хозяева дома, загрызут любую дичь: и дикого быка, и кабана. А птиц и летающих лисиц бьют из рогаток. Всю почти пищу добывают сами, в магазине покупают лишь чай, сахар и рис. У дома стояло три машины, имелась и моторная лодка. Таких семей в Пормпураау, как я выяснила, немало. Важно, чтобы был современный транспорт, тогда удачная охота и рыбалка обеспечены. В Аурукуне же очень большие проблемы с передвижением, там положение значительно хуже, чем в Пормпураау.

Конечно, и в Пормпураау есть свои «системные» беды: мужчины и женщины вечера напролет проводят в пивной. Там продают только пиво, не более шести банок на человека, но и этого явно многовато. Порой встречаются женщины и молодые девушки с очевидными следами «семейного насилия» на лицах. Несомненно, есть люди, в том числе старики и дети, которые постоянно недоедают, всегда голодны, просят денег, сигарет, выглядят унылыми и больными. Еще один бич – азартные карточные игры (в Аурукуне еще в большей степени), люди, забыв обо всем на свете, многие часы просиживают в «карточном кругу», порой проигрывая и выигрывая сотни тысяч долларов.

Конечно, сразу же возникает вопрос, откуда у этих людей такие суммы денег? Почти все они еженедельно получают стандартное австралийское пособие по безработице (и многие сразу же идут играть). Кроме того, незамужние женщины получают

Стоянка рыболовов на берегу Залива Карпентария близ Пормпураау.
Фото О. Артемовой.

пособие на детей, а браки там почти никогда не оформляются, однако, в одиночестве почти никто не живет, у каждой есть «партнер», который зовется смешным словом «дефекто» (de facto). Детей же у всех много, а матери и сами тратят «детские» деньги «не на то», да и своим партнерам ни в чем не могут отказать. Далее, все больные люди получают пособие по инвалидности, которое остроумно зовется «сит даун мани». Наконец, некоторые работают – в гостевом доме, в школе, в детском саду, культурном центре и т.п. В этом случае, правда, они лишаются пособия, но зарплата превосходит пособие, даже если люди заняты всего два или три дня в неделю. Однако работы на всех в таких поселках не хватает, да и сравнительно немногие хотят ее иметь.

И в Аурукуне, и Пормпураау есть разные люди и разные семьи, есть и такие, которые стремятся жить как «цивилизованные граждане», жаждут уехать в город, мечтают, чтобы их дети получали образование и жили жизнью белого человека. Но все же в большинстве своем аборигены Аурукуна и Пормпураау и не хотят и не могут этого. Как говорил мне один из самых умных и добрых моих собеседников в Аурукуне – Максвелл Викмунеа: «Белые люди требуют, чтобы мы стали такими, как они. А мы не можем. Конечно, кое-что мы от белых людей берем, из их «путей»

(культуры – О.А.). Но не так уж много». А Рожер Криб утверждал во время наших бесед в 2005 г.: «Это абсолютно племенные люди».

В целом аборигены, живущие в таких местах как Аурукун или Пормпуреау, не заинтересованы в интеграции в так называемое мейнстрим сэсайети. Они принимают, усваивают те элементы современной «культуры белого человека», которые им нравятся, манят или которые им – таким, какие они есть – действительно необходимы, и отбрасывают все то, что не нравится или не подходит. Я их за это уважаю. Им очень нужны автомобили, без них теперь ни рыбу не половишь, ни поохотишься, ни родственников не повидашь. Аборигены любят машины – легковые, а также грузовики – и умеют с ними обращаться. Моторные лодки тоже. Любят мобильные телефоны – перезваниваются друг с другом. А зачем им, например, любить деньги, если их до сих пор более всего привлекает жизнь на природе, на земле предков? Да, в их селениях есть школы, детей учат грамоте, математике, географии, рисованию. Что-то их интересует больше, что-то меньше. Например, математику они не слишком жалуют – им не надо уметь хорошо считать: то, что люди имеют, расходуется без размышлений. У них преобладает культура немедленного возврата: что досталось, то сразу употребилось. Ничто не хранится и не копится. Настоящий охотник не обременяет себя ничем.

А вот рисовать и дети, и взрослые обожают. Петь и танцевать – и того больше. Чувство ритма – великолепное у каждого. Музыкальность прирожденная. И вообще – ярко выраженная тяга к духовным занятиям и неприязнь к малоквалифицированному физическому труду. Если перед кем-то из них встает проблема выбора особой профессии, то они чаще всего стремятся стать художниками, музыкантами, священниками (в Аурукуне я встретила семерых мужчин, которые хотят служить в церкви), а не уборщиками улиц или горнодобытчиками-рудокопами. Они сознательно сопротивляются пролетаризации, к которой их всегда толкали и до сих пор пытаются подтолкнуть миссионеры и власти. И вот что я думаю: в Австралии коренные жители составляют немногим более одного процента от всего населения. Таких же, как вик-мункан и их соседи, совсем мало. Столь преуспевающая страна могла бы позволить и даже помочь аборигенам быть тем, чем они хотят: охотниками, рыбаками или служителями муз и духа в широком смысле этого слова, а не требовать от них «продавать» свою рабочую силу, как все «нормальные люди».

Вопрос о взаимоотношениях аборигенов, живущих на своей земле в удаленных от городских центров поселках, и белых австралийцев очень болезнен. Он требует специального обсуждения. Здесь только отмечу: несмотря на то, что на пособия аборигенам и на их школьное образование, а также медицинское обслуживание, тратятся огромные средства, «поступающие от налогоплательщиков», коренные жители в таких поселках все равно, как недавно с горечью публично констатировал Дэвид Мартин, «заброшены, их игнорируют, о них не заботятся, ими пренебрегают».

Аурукун и Пормпуреау формально управляются выборными советами, состоящими только из аборигенов, но на деле все там решается, организуется и исполняется

Здание культурного центра в Пормпураау. Фото О.Артемовой.

небольшим штатом (примерно 50 человек в Аурукуне и 30 в Пормпураау) англо-австралийцев. Это в значительной своей части люди, которые не имеют нужных знаний о культуре аборигенов и не понимают ее. Многие из них приезжают в те гиблые для белого человека места, чтобы быстро заработать хорошие деньги, а потом с радостью уезжают оттуда. У них нет настоящей симпатии к аборигенам, они стараются держаться подальше, жить своей жизнью. Разумеется, есть и исключения – люди самоотверженные, остающиеся в поселениях аборигенов на многие годы. Один из ряда вон выходящих случаев – жизнь Джейн Кариюка в Аурукуне. Она около тридцати лет руководит там детским садом. Это, пожалуй, единственное хорошо налаженное учреждение в Аурукуне. Она же в одиночку издает (готовит на компьютере и печатает на обыкновенном принтере) еженедельную газету «Вик Инана» (вик сегодня). Мне посчастливилось провести несколько дней в ее доме. Я убедилась, что других интересов, кроме работы на благо аборигенов, в ее жизни мало. В Пормпураау, как мне показалось, гораздо больше, чем в Аурукуне, белых людей благожелательно относящихся к аборигенам и искренне стремящихся им помогать. Возможно, это одна из причин того, что аборигенам в этом поселке живется лучше.

Берег реки Арчер близ Аурукуна, видны остатки многолетних стоянок аборигенов. 2005. Фото Чарльза Уоркера

В заключение хочу выразить глубокую благодарность Российскому фонду гуманитарных наук и Российской Академии Наук, которые спонсировали мои поездки. Я также чрезвычайно признательна всем моим австралийским и российским коллегам и друзьям, которые помогли мне в организации экспедиций. И, конечно же, всем жителям Аурукуна и Пормпураау, которые были добры и внимательны ко мне.